

16+

Анатолий Корнейчик
Зимарумба, или Снега
ВОДЕВИЛЬ
рассказ

Анатолий Корнейчик

Зимарумба, или Снега водевиль

«Автор»

2020

Корнейчик А. К.

Зимарумба, или Снега водевиль / А. К. Корнейчик — «Автор»,
2020

Человек предполагает, а Бог располагает. Занимательная история о том, как молодой человек со свойственным его возрасту максимализмом, столкнувшись с "суровой прозой жизни", вдруг начинает испытывать неведомое ему доселе наивное удивление.

Анатолий Корнейчик

Зимарумба, или Снега водевиль

Рассказанная ниже история – вымысел, всякое совпадение с реальностью – случайность.

Все люди разные, но все они принадлежат одному роду – человеческому.

Как среди бесчисленного множества снежинок не найти двух одинаковых; но хоть ты тресни – все они шестигранные.

Студент второго курса технологического техникума Сергей Пашутин проснулся у себя дома в маленькой двухкомнатной квартирке, в которой он жил с рождения со своими родителями и старшим братом.

Было еще слишком рано: и в комнате, где спал Сергей, и за окном на улице темнела зимняя ночь.

Сергею предстоял ответственный день, – сегодня он должен был участвовать в областных соревнованиях по лыжам. Соревнования проводились среди учащихся средне-профессиональных учебных заведений и студентов техникумов.

Накануне вечером, «что бы как следует выспаться и набраться побольше сил», Сергей решил лечь спать раньше, чем обычно. Он рассчитывал, что, как и всегда уснет быстро и легко. Но не то чтобы его стали одолевать тревожные мысли о предстоящих соревнованиях – этого он не боялся, а скорее всего то, что время для сна было слишком раннее, о чем он сам догадался, но до конца не хотел признать свою ошибку, он долго не мог уснуть. Сергей принимал удобные позы, в которых он обычно быстро засыпал, – он то поворачивался на живот, просовывая руки под подушку, то ложился на спину, закидывая руки за голову, ничего не помогало. Давно уже минуло привычное время, в которое он всегда засыпал, а он все еще ворочался в постели. Он не помнил, как он, немало промаявшись, и упустив драгоценное время, с тяжелым чувством досады, наконец, провалился в беспокойный сон.

Теперь он проснулся также слишком рано. Он хотел было сразу повернуться на другой бок, свернуться калачиком, и, накрывшись с головой одеялом, снова уснуть. У изголовья Сергеевой постели помещалась плетеная из тонких прутьев лозы, высокая арочная этажерка. Нижний ярус легкой ажурной этажерки, для ее большей устойчивости, вперемешку был забит старыми газетами и подпиской за два года истрепанных номеров журнала «Крокодил». На самом верху этажерки красовалась, застеленная в оборочку, кружевная розовая салфетка. На салфетке тикал большой круглый, заведенный на полную катушку, «чтобы не проспать», старый, синего цвета будильник.

«Тик-так, тик-так», – неустанно клевал безмятежную тишину безотказный труженик, пропуская через себя из неведомого будущего в безвозвратное прошлое, бесконечную невидимую нить с узелками секунд.

«Тик-так, тик-так».

Как бы ни звучали на разных языках мира эти два коротких слова, перевод с языка часов всегда будет один и тот же:

«Привет – пока, привет – пока».

Вдруг радостное чувство толкнуло Сергея, он вспомнил одно приятное обстоятельство и сон моментально отлетел от него, не оставив и следа. Сергей почувствовал себя бодрым свежим и полным сил для дел предстоящего дня.

Приятным обстоятельством было то, что сегодня он впервые наденет свой новый спортивный костюм! Он повернулся на спину, выпростал руки из-под одеяла и подsunул ладони под голову. Голой кожей рук он ощутил, как по комнате слоятся, гуляют и смешиваются между

собой холодные и теплые струи воздуха. Особенно приятно было ощущать, когда после холодной волны накатывала ласковая теплая волна нагретого воздуха. Сергей, лежал с открытыми глазами, устремленными на белеющий потолок, и вспоминал, как ему достался его новый костюм.

Где-то накануне, может за неделю перед Новым годом, он отправился в единственный в их небольшом городке универмаг, чтобы купить плоскую батарейку для своего радиоприемника. Как это почти всегда бывало, в конце года, для выполнения плана, в универмаг завезли некоторые дефицитные товары. Сергей напрямик пошел в секцию электротоваров. Он купил батарейку, держал ее в руках, собираясь проверить свежая ли она, и тут только заметил, что покупателей в универмаге несколько больше обычного, и передвигаются они быстрее, чем обычно.

Во всем универмаге воцарилось понятное всем настроение. Все: и продавцы, и покупатели чувствовали и понимали одно и то же, – и те, и другие словно играли свои роли, в хорошо отрепетированном представлении. Все работники универмага, кому это было нужно – от техничек до директора уже затарились необходимым дефицитом, прикупив его для себя, для родственников и для всяких «нужных» людей. Хозяевами жизни стояли за прилавками довольные продавцы, каждый на свой манер – кто-то, выпятив вперед подбородок, а кто-то и вовсе скрестив руки на груди. Все они свысока поглядывали на снующих вокруг покупателей, как будто это были не люди, а какие-то муравьи. Покупатели, мысленно ставя себя в положение просителей, заранее прощали продавцам их надменный вид. Конечно, все знали, что рано или поздно вся эта суета схлынет и на ее место вернется серая унылая жизнь. Буднично будут переругиваться между собой раздраженные покупатели и равнодушные продавцы. Но теперь никто не хотел думать об этом. Ведь все это будет потом. А сейчас настало особенное время предпраздничного заразительного ажиотажа. Словно охотничьи собаки, почуяв запах добычи, рыскали граждане в поисках, чего бы то ни было, во что можно было вцепиться мертвой хваткой.

«Будьте добры, – заискивающими голосами просили жаждущие, стараясь глазами уловить взгляд продавца, – покажите, пожалуйста, вон ту скатерть», или: «Дайте, пожалуйста, посмотреть эту вазу». Продавцы, не спеша, с повелительными движениями и жестами, медленно брали с полки скатерть или вазу и как какую-нибудь особенную драгоценность осторожно клали их на прилавок.

Сергею вполне хватало того немногого, что он имел и ничего особенного в жизни ему не было нужно. Больше из любопытства и даже защищаясь, не давая себя захватить, пронизывающему все вокруг настроению, он, без особой надежды, не спеша, переместился от отдела электротоваров, к одному единственному отделу, который мог быть ему интересен – к отделу спортивной одежды.

Уже издали заметил он шеренгой висевшие среди прочих вещей десятка полтора одинаковых синего цвета спортивных костюмов. Он напрямик направился к ним. Можно было догадаться, что на каждый размер и рост приходилось по одному костюму – не больше. Сергей отыскал бирку с ценой. На бирке значилось «28р. 82к.». Цена была немалая! Но и костюмы были хороши!

С маленьким трикотажным воротником-стойкой, от которого по всей длине рукава тянулись две белые полоски вплоть до таких же, как и воротничок, трикотажных манжет. Это не просто вшитая в рукав обыкновенная резинка! Сергей представил, как приятно манжет охватывает запястье, плотно прилегая к руке. «Ветер не будет задувать в рукава – это, точно!» Такие же две белые полоски, как лампасы, были нашиты на всю длину брюк.

К Сергею подошла и остановилась рядом запыхавшаяся молодая женщина. Пальто на ней было расстегнуто, пуховый серый платок сполз на затылок. Женщина совершенно не обращала внимания на то, что у нее неприлично обнажена ее простоволосая голова, что волосы ее растрепались и заколотый в них большой полукруглый, поблескивающий коричневой пласт-

массой дешевый гребень вот-вот упадет. Завидев стоявшего в нерешительности парня, она с любопытством подошла к нему. Поняв интерес парня, вызванный спортивными костюмами, она сама сильно задумалась. Дело в том, что только что она выписала квитанцию на так необходимый ей отрез кримплена. Но и ее сыну-лоботрясу, учившемуся в седьмом классе, нужен был спортивный костюм. А денег было в обрез – хватить их могло только на что-то одно.

Сергей почувствовал, что просто так стоять и бесконечно размышлять нельзя. В руках у него была батарейка. Из-под продолговатой с закруглениями на краях полоски из тонкого маслянистого картона он высвободил два плоских блестящих металлических контакта батарейки – один короче, второй длиннее, подцепив пальцем, отогнул их, один за другим, что бы было удобнее и, задумчиво глядя на костюмы, машинально поднес батарейку оголенными контактами к высунутому изо рта языку. Тут он получил ощутимый удар электрического тока. Батарейка была свежая. Вместе с ударом тока и ощущением гальванического привкуса во рту, пришло и решение: «Костюм надо брать!».

Он отыскал нужный размер, снял костюм с вешалки и, не примеряя, направился с ним к продавцу.

– Вы можете это отложить? – с замиранием сердца спросил он у продавца. Он хотел было начать сочинять, что ему совсем немного не хватает денег, хотя в кармане у него глухо позвякивала только мелочь – полученная с рубля сдача после покупки батарейки. Опытная продавщица, бросив на него наметанный взгляд, сразу поняла, что этот «подросток», эта «дылда», как она мысленно обозвала его, готов понести всякую околесицу и, опередив его, тоном тюремного надзирателя произнесла давно заготовленную окаменевшую фразу:

–Только на час.

До дому спокойным шагом было минут 20 ходу, туда и обратно – 40, ну, дома еще минут 5. «Успею!» – уверено подумал Сергей.

–Хорошо, – стараясь придать своему голосу как можно более равнодушное выражение, сказал он. Продавщицу чуть было не обидело это показное равнодушие, но видно было, как она сдержала себя.

–Фамилия! – ледяным тоном потребовала она от Сергея.

«Пушкин!» – в самое первое мгновение хотел соврать Сергей, как всегда неприятно пораженный в подобных случаях, когда невесть кто, ни с того ни с сего хочет узнать его фамилию, но тут же сообразил, что сейчас шутки плохи и доверительно произнес: «Пашутин».

Продавщица небрежно оторвала клочок серо-желтой оберточной бумаги, перевела глаза на висевшие на стене часы и написала: «отложено до ...», сократив время на 10 минут. Положила записку сверху костюма и убрала все это под прилавок. Сергей заметил что-то неладное в записке и обратился к продавщице:

– Извините, вы, кажется, неправильно записали мою фамилию.

Она посмотрела на «дылду», всем своим видом выказывая крайнюю степень недоумения, «что еще он от нее хочет?». Сергей, придав своему голосу самую миролюбивую интонацию, повторил:

– Вы, кажется, неправильно записали мою фамилию.

Продавщица вытащила записку из-под прилавка.

– Вот, видите, – указал ей Сергей, – Вы написали «Машутин», а моя фамилия «Пашутин».

– Машутин, Пашутин, какая разница, – забормотала себе под нос продавщица, – Говорить надо внятно! – высказала она свое недовольство, грубо карандашом черкая поверх «м» букву «п».

«А тебе слушать надо внятно, глухая тетеря!» – выругался про себя Сергей.

Он едва сдержался, чтобы тут же не сорваться с места, развернулся и решительно зашагал к выходу. На улице в голову ему полезли разные тревожные мысли: клочок бумажки, небрежно

брошенный на костюм, может потеряться, завалившись куда-нибудь, его просто может сдуть сквозняком.

Сергей не тратил попусту свои деньги, как тратили свои деньги его сверстники.

Он избегал сомнительных удовольствий – не покупал в мороз мороженое, как это делали его друзья, не ходил смотреть заведомо плохое кино, лишь бы отметить, что он видел его.

Имея в заглазнике кругленькую сумму – пусть даже десять рублей, он чувствовал себя гораздо увереннее. Не то, чтобы деньги нужны были ему для каких-то особенных трат – у него не было в помыслах купить себе что-то необычное. Но он испытывал удовольствие от одного сознания того, что в любой момент он может позволить себе купить какую-либо значительную вещь, купить которую не смогут позволить себе его друзья, просто потому, что у них нет нужной суммы сбереженных денег.

У Сергея как-то само собой сложилось его собственное представление о деньгах, и оно казалось ему таким простым и естественным, что и другие люди, по его мнению, должны были иметь такое же ясное и простое представление.

Ему казалось, например, что чаще всего встречаемые мятые потрепанные рублевые бумажки песочного цвета – это, как заводские рабочие, которых он в массе встречал в своей жизни. Рублей было много, и никто ими особенно не дорожил. Далее шли зеленые трехрублевки. И они, в его представлении, были начальниками цехов на заводе, директорами школ, главными врачами поликлиник. Синеватые пятирублевки представлялись ему главными бухгалтерами на крупных фабриках, или что-то подобное. Во всяком случае, когда он сталкивался с очередным начальником, он старался определить, на тройку или на пятерку тот тянет. Красные гладкие и хрустящие десятирублевые купюры в его представлении связывались с директорами фабрик и заводов, с городским начальством, разъезжающим на служебных автомобилях. Дальше – в туманную область «генералов и министров» воображение Сергея не распространялось. Нужды в том не было – всего только пару раз в своей жизни держал он в руках сиреневую двадцатипятирублевую ассигнацию, не говоря уже о, совсем заоблачных пятидесятирублевых и сотенных банкнотах, о которых он только слышал, что они существуют, но которых он ни разу не видел.

Он сам относился к своей «системе» не серьезно, но она была удобна для него, и благодаря этому удобству, она переставала быть шуточной, и он с удовольствием ею пользовался.

Конечной целью в деле откладывания денег было насобирать десять рублей. Десятка служила гарантией сохранности денег, – с тремя и даже пятью рублями расстаться было довольно легко, но с десяткой – почти никогда.

На книжной полке, сбоку от стоявших книг, лежала особо толстая и по формату большая, так что она не помещалась вертикально, одна старая, в немного потертом кирпичного цвета переплете, книга. Сверху на этой книге в виде ступенчатой усеченной пирамиды стопкой лежали другие, более мелких размеров, но также не подходящих под высоту полки книги.

Сергей, аккуратно, чтобы не рассыпать, снял стопку книг, отложил их в сторону и извлек самую нижнюю. Это был увесистый второй том «Былого и дум» Герцена. Здесь он и хранил свои деньги. Куда подевался первый том «Былого и дум» в семье никто не помнил. И даже, если бы томов было два, то все равно, как правильно рассчитал Сергей, лучшего места спрятать деньги, невозможно было найти. Существуют такие книги, которые, в основном со слов других людей, пользуются у своих хозяев уважением, но этих книг никто и никогда не читает. Так и стоят они в книжных шкафах и на полках – важные, со своим особенным авторитетом, и иногда, на интеллигентных и совестливых хозяев будто смотрят с укором. А те проходят мимо и как бы оправдываются: «Ладно, ладно, вот будет у меня отпуск, я возьму и прочитаю тебя», или: «Когда пойду на пенсию, у меня будет уйма свободного времени – вот тогда я вас всех перечитаю!».

Сергей раскрыл «Былое и думы» и быстро распуская веером страницы, делая краткие остановки, одну за другой, достал три красные десятирублевки – все деньги, что были у него.

Когда он вернулся в универмаг, толпа была настолько многочисленна, что ему пришлось протискиваться к отделу сквозь живую стену людей.

Весть о том, что в универмаг завезли новые товары, моментально распространилась среди жителей небольшого городка. И едва ли не все свободное в это время женское население и множество мужчин направились сюда. Градус страстей нарастал с каждой минутой. То тут, то там начали вспыхивать перебранки. Кому-то не досталось дефицитной хрустальной сахарницы, или мельхиоровых подстаканников с необычными вензелями. Может, кому-то эта сахарница не нужна была сто лет, но поддавшись общему настроению хапуна, он вдруг решил, что эта последняя сахарница нужна ему позарез – ведь он мечтал о ней всю свою жизнь! И, изловчившись, он выхватывал злосчастную сахарницу из-под самого носа у такого же охотника за дефицитом.

Сергей с большим трудом прощелся к прилавку. За те несколько десятков минут, прошедших после того, как он оставил продавщицу, у нее заметно сменилось настроение. Пропала снисходительная надменность, и закипало столь привычное гневное раздражение. Придавленный к прилавку напиравшей толпой, толкаемый в бока и спину, Сергей громко обратился к продавщице:

– Я тут костюм оставлял.

Осаждаемая со всех сторон, среди общего гула требовательных голосов, продавщица не расслышала, или, как показалось Сергею, сделала вид, что не расслышала его.

Еще раз, но уже более настойчиво и громко, перевесившись вперед, чтобы она не отвертелась, он, четко разделяя слова, повторил:

– Я тут костюм спортивный оставлял!

Продавщица посмотрела на него, на секунду как будто задумалась, и словно решила не тратить попусту на этого подростка свои силы, достала из-под прилавка записку, покосилась на часы, молча выписала квитанцию и небрежно бросила ее перед Сергеем. Сергей подхватил квитанцию и пошел оплачивать ее в кассу. Через пять минут, он, едва сдерживая, рвавшуюся на лицо улыбку, счастливый, со свертком под мышкой, крест-накрест перевязанным бумажным шпагатом, размашистой походкой шагал домой.

Под конец, когда все дефицитные товары были распроданы, и толпа заметно стала редеть, по магазину все еще бродили те, кому ничего не досталось, и они, чтобы удовлетворить свой азарт, покупали совершенно не нужные им залежалые вещи – какого-нибудь фарфорового голубя, которого они принесут домой и не будут знать куда его поставить, чтобы не нарушить симметрию, так как совершенно забыли, что точно такие же два голубя давным-давно стоят в серванте за стеклом и пылятся там годами.

Директор универмага, заведующие секциями и все продавцы мысленно потирали руки от удовольствия. Торговля удалась на славу. За один день, судя по выручке, был почти сделан месячный план. И их всех перед самым Новым годом, как нельзя, кстати, ждала премия.

Сергей лежал на боку, полностью укрывшись одеялом, открытым оставалось только лицо, и согревал настывшие на прохладном воздухе руки. У противоположной стены на стареньком продавленном, коротком не по росту, диване спал Вовка – старший брат Сергея. Из-за того, что Сергей не помнил, как и во сколько он сам уснул, он не слышал, во сколько брат пришел домой. Но пришел он точно поздно. «Наверно, гулеванил далеко за полночь», – с тем особым чувством подумал Сергей о брате, с которым думают младшие братья о старших. В этом чувстве была хорошо замаскированная зависть, постоянно испытываемая с самых малых лет, с того самого времени, когда ребенок начинает осознавать себя, зависть к тому, что разрешено старшим, и что, почему-то, запрещено младшим. А, чтобы получше загородить и спрятать эту зависть, на передний план, как бы само собой выступает деланное придуманное осуждение.

Именно потому, что брат спал и не мог что-то возразить, Сергей чувствовал над ним некоторое превосходство и свое право осуждать его. Вовка по своей привычке, словно он хотел спрятаться от всех дневных передряг, постоянно преследовавших его, спал, натянув одеяло на голову, при этом его голые почти до колен ноги оставались снаружи. Теперь он лежал на спине и ступни его пятками вместе и носками врозь белели в темноте.

Сергей смотрел на эти бледные ступни, и одна и та же неприятная мысль копошилась у него в голове. Было что-то особенно неприятно-тревожное в виде этих голых ног. Он чувствовал, что он вот-вот разгадает, что же именно ему неприятно и тревожит его. Ответ был очень близок и он, почувствовав это, так же почувствовал, что он не хочет знать этого ответа. Он тут же заставил себя отвернуться и стал, словно в пустоту, смотреть на небольшое, с проложенной между рамами против замерзания, как он знал, ватой и с не задернутой шторой окно. Постепенно сознание вернулось к нему, и он стал понимать то, куда он смотрит и что он видит. Сергей перевел взгляд на дверь, ведущую в небольшую спальню родителей. На двери, с занавеской с родительской стороны, он вдруг обнаружил почти точно такой же, как и на окне, переплет из шести застекленных квадратов. Внутри у него, как при каждом сделанном им новом открытии, поднялась волна радости. Но в тот же момент он испытал некоторое разочарование. «Ну, как! Я ведь тысячи раз смотрел и на это окно и на эту дверь и никогда раньше не обращал внимания на то, как они оба похожи между собой!» И, по укорененной привычке, хотя и не совсем логично, он перешел к обобщениям. «Ну вот, всегда так. Замечаешь что-нибудь интересное едва ли не самым последним. Всегда найдется рядом кто-нибудь другой, кто заметит это что-то интересное раньше тебя. Кто-то, опередив тебя, выскажет мысль, или выразит какое-нибудь наблюдение. А ты только стоишь, олух-олухом, хлопаешь глазами, и жалеешь об одном, ну как это я сам первым не догадался и не сказал об этом. А ведь это так просто! А, если бы я первым додумался до того же самого, то, уверен, что выразил бы это гораздо интереснее, тоньше, умнее!» Так, потихоньку съедая самого себя, лежал он еще некоторое время и отвлеченно переводил взгляд с окна на дверь и обратно. Кто-то может удивиться: «Ну, что это за «открытие» такое: шесть застекленных квадратов двери похожи на шесть одинаковых квадратов в раме окна!» Но дело в том, что с первых месяцев своей жизни человек только тем и занимается, что познает окружающий его мир, постоянно, по несколько раз на дню, делая подобные открытия. И чем более любознательной натурой наделен человек, тем больше всяких открытий, разных и неожиданных, обогащают его. Когда Сергей, дождавшись времени, что бы никого не было дома, впервые примерил новый костюм, он так же сделал очередное открытие.

В их доме находилась одна драгоценность, которой не было ни у кого другого, – во всяком случае, в каких бы домах своих друзей и знакомых не бывал бы Сергей, он такой вещи нигде не встречал. Драгоценность эта была, доставшийся по наследству, стоявший в родительской спальне, полностью сделанный из карельской березы, без всякой там фанеры, покрытый яхтенным лаком, древний, добротной работы, шкаф. В дверцу шкафа снаружи, делая его еще более праздничным, было вставлено из толстого стекла, с широким фасетом по краям, зеркало. Занимавшее собой, всю высоту дверцы, слегка потускневшее от времени, зеркало, было обрамлено рамкой с витиеватым узором, весьма искусной резьбы. Повторяя тему узора, на внутреннем замке красовалась бронзовая накладка, а в скважине поблескивал бронзовый же, довольно внушительного размера, отполированный руками, ключ.

В шкафу хранились большей частью дорогие материны наряды. Она никогда не покупала дешевой одежды. Всегда предпочитала, сэкономив деньги, покупать только самые качественные вещи. И любила повторять: «Хорошая одежда никогда не выйдет из моды». И, действительно, во что бы она ни одевалась, никто и никогда не мог упрекнуть ее, что она не модно одета.

Рассматривая себя в зеркале, наблюдая, как лоснится и переливается на складках различными оттенками синего цвета, гладкая, словно шелковая, блестящая ткань, Сергей, с удоволь-

ствием прислушиваясь к новому звуку, медленно таскал вверх-вниз бегунок молнии. У него никогда прежде не было ни одной одежки с такой длинной, да еще, что бы расстегивалась полностью, молнией. Как следует, насладившись в самую пору подошедшим костюмом, ласковым звуком, издаваемым молнией, Сергей выпустил бегунок из рук, – та штуковина, за которую он таскал бегунок, повисла, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Сергей заметил это покачивание и тут же подумал: «О, как хвост у собаки, – и тут его осенило, – так вот почему бегунок называют собачкой! Именно из-за этого – как будто собака виляет хвостом». Это и было одно из открытий, сделанных Сергеем. Особенностью внутренней организации Сергея было то, что однажды пришедшая ему на ум мысль, в его сознании тут же превращалась в крепкое убеждение. Так произошло и с мыслью о собачке – она сразу же сделалась его убеждением.

На разукрашенных морозом елово-лапчатыми узорами стеклах окна стали происходить видимые изменения. Вначале глубокий черный цвет окон постепенно утратил свою ночную густоту, окна приобрели темно-серый цвет, потом все более и более светлели, стали светло-серыми, а потом и вовсе перекрасились в молочно-белые. Там, за окном совершался восход зимнего солнца. Молочный цвет на совсем короткое время полыхнул красным и почти сразу же перетек в нежно-розовый. Это блеснул по небу первый солнечный луч.

Потом узоры на окне опять побелели, но сделались совершенно прозрачными без замутненного молочного оттенка. И наконец, на всех шести квадратах окна установился незыблемый голубой цвет. Солнце оторвалось от горизонта и, отражаясь от снега, залило все вокруг голубым светом.

«Ну, – пора!»

Сергей бодро вылез из-под нагретого одеяла и стал быстро, но без лишней суеты, собираться.

Ему чрезвычайно нравилось то, какими выверенными и точными были все его движения. Он ощущал почти безграничную радость, наблюдая за тем, как ловко он управляется со своим во всех мельчайших приказах послушным ему телом.

В ванной он умылся вначале теплой, а потом – чтобы взбодрить себя – ополоснул лицо и шею холодной водой. Умываться таким образом, он считал самым правильным – вначале надо разбудить организм, дать ему почувствовать на каком он свете находится, а потом уж можно и даже нужно задать ему небольшую встряску. Он считал дураками тех, кто, не дав телу разогреться, ошарашивал его утренним «закаливающим» душем. «Дураки, они не понимают, что таким закаливанием они только вредят себе»!

Освеженный, он деловито прошел по короткому коридорчику на кухню, не забыв плотно прикрыть за собой – чтобы не разбудить брата и родителей, застекленную дверь.

На маленькой кухоньке, тесно заставленной самой необходимой мебелью, едва могли развернуться два человека. Привычно двигаясь в узких проходах между небольшим столом, буфетом и холодильником, Сергей принялся готовить себе завтрак. На клеенку, покрывавшую стол, в нескольких местах прорезанную, с вытертым на изгибах, и особенно сильно на углах, синим клетчатым рисунком, он положил разделочную доску. В другие дни, наспех собираясь по утрам в техникум, он нарезал себе хлеб прямо на клеенке, но сегодня был особенный день, и он решил делать все правильно. На старую с глубокими выемками от долгого употребления с обеих сторон доску он положил початый батон. То, что батон был уже начат, порадовало Сергея – он любил горбушки, но тогда, когда из них не надо было делать бутерброд, – колбаса или сыр всегда сваливались с кулявшейся набок горбушки. Он отрезал от батона два толстых куска и оценивающе посмотрел на них. В его голове возникла картинка, ему представилась толпа рвущихся вперед лыжников, толкавшихся локтями, наперебой старавшихся обогнать друг друга.

«Да, пожалуй, сегодня мне понадобится больше энергии!» И он отрезал от батона третий, точно такой же толстый, кусок. Достал из приземистого пузатого холодильника масло, сыр и вареную колбасу. Налил из-под крана, в белый, в крупный красный горох, с черными отмети-

нами выщербленной эмали, чайник, свежей воды, зажег спичкой газ в конфорке и поставил чайник на плиту закипать. Неспеша развернул хрустящую с промокшими насквозь большими жирными пятнами пергаментную бумагу и перед ним оказался огромный кусок может весом на целый килограмм, купленного про запас, ароматно пахнущего желтого сливочного масла.

Наперед, зная по опыту, что замороженное масло не так-то просто будет отрезать, проделал следующее: тщательно промыл от хлебных крошек под холодной струей нож и, приоткрыв крышку чайника, сунул внутрь него лезвие ножа. Выждав время, когда по его расчетам, лезвие должно было достаточно нагреться в закипающей воде, он достал нож из чайника и, быстро приловчившись, двигая нож сверху донизу, отплавил себе от куска масла пластину нужной толщины. И по привычке, довольный своими действиями, как будто завершая победный ритуал, аккуратно положил плашмя лезвие ножа на язык, сомкнул губы и, медленно вытаскивая нож изо рта, облизал его. Подтопленное масло оставило во рту приятное деликатесное послевкусие.

Открытие это – не резать масло, а плавить его горячим ножом, Сергей сделал не так давно и никому о нем не рассказывал, сохраняя его как свой большой секрет.

Правда, с недавних пор, мать стала жаловаться на то, что кухонные ножи, в особенности один из них, а это и был как раз тот нож, которым Сергей чаще всего пользовался, стали очень быстро затупляться. Она накидывалась на ни в чем не повинного мужа, и тот, не понимая в чем дело, безропотно, уступая жениному ворчанию, все чаще и чаще точил ножи.

Обильно намазав маслом куски батона, Сергей принялся нарезать докторскую колбасу. Он решил, чтобы сытнее было, резать колбасу кружками потолще. То же самое он проделал и с Российским сыром. Соорудив три толстых бутерброда, он стал их есть, запивая горячим черным чаем, который он так же заварил покрепче и посахарил по сильнее.

С большим трудом доел он второй бутерброд, а на столе перед ним лежал еще один. Делать было нечего. Через силу, заставляя себя, Сергей стал откусывать от бутерброда большие куски, – чтобы побыстрее расправиться с ним, и механически двигая челюстями, в итоге окончательно затолкал его в рот. Дожевывая этот последний бутерброд, он слишком поздно понял, что нарезаемый обычно тонкими ломтиками Российский сыр был в меру солен, но в таком количестве, в котором он его съел, сыр оказался соленым чрезмерно. Он попытался заглушить вкус соли сладким чаем, но это мало помогло, – горький вкус соли, перебивая собой все остальные вкусы, устойчиво держался во рту.

Покончив с завтраком, он пошел одеваться.

Наконец, полностью собранный, в новеньком спортивном костюме, в старом, надетом поверх костюма, пальто, в коричневую полоску, он вышел из дома на улицу.

Сергей чувствовал, казалось, никогда ранее им не испытываемую неприятную тяжесть в животе. Батон, масло, колбаса с сыром – все это словно гиря повисло внутри него. Он даже не на шутку испугался, что эта давившая его тяжесть останется с ним надолго и помешает ему в соревнованиях.

На улице не было, как ожидал Сергей, яркого солнечного света, снег был не голубой, а белый. На низкое зимнее солнце можно было просто смотреть открытыми глазами: плотная морозная пелена тумана успела толстым покрывалом накрыть землю.

«Ну, что ж, это даже лучше, – решил Сергей, – не будет слепить глаза», – подумал он, имея в виду предстоящую гонку.

Подходя к автобусной остановке, он издали заметил согбенную фигуру неподвижно застывшего старика, двумя руками, в огромных холщовых рукавицах, опиравшегося на толстую суковатую палку. Палка эта сразу бросилась Сергею в глаза. «Будь она чуть потолще, – точно смахивала бы на настоящую дубину», – прикинул мысленно Сергей. «И, зачем он ее с собой таскает? – продолжал присматриваться он к неподвижному деду. «Наверно, живет где-нибудь в глухомани, в лесу, и палка ему нужна, чтобы от волков отбиваться, – строил он догадки, все ближе подходя к старику.

На голове у старика была надета, налезавшая на седые косматые брови, утратившая всякую форму облезлая заячья шапка. Сам он был одет в затасканный, весь в разномастных заплатах, тулуп, из-под которого видны были сношенные до последней степени валенки, с обшитыми истертой кожей пятками.

Старик безучастливо смотрел в пространство, словно в пустоту, слезящимися белесыми глазами и совершенно не обращал внимания на приближавшегося к нему в этот ранний час одинокого пешехода.

Перспектива ждать автобус наедине с этим стариком сразу не прельстила Сергея, и он решил пойти до техникума пешком. И, чтобы подтвердить самому себе сделанный выбор, он рассудил следующее: «Дед этот стоит на остановке один, значит, автобус проезжал совсем недавно и забрал всех пассажиров и, следовательно, ждать следующего автобуса придется долго». Ему понравились эти его собственные логичные рассуждения, и он, не сбавляя шага, прошел мимо старика, мимо остановки. «Да, пешком будет быстрее!» – окончательно решил он.

Старик так и не обратил на него никакого внимания, продолжая все так же равнодушно смотреть куда-то в пространство.

На пустынной улице не было никого. Тропинка, по которой решительно и уверенно пробирался Сергей, шла вдоль одинаковых двухэтажных, построенных из серого силикатного кирпича домов, – точно таких же домов, как и тот, в котором жил сам Сергей. Тропинка вилась между снежных сугробов, иногда выше человеческого роста высотой, и временами Сергей совсем пропадал из виду, если бы за ним наблюдал кто-нибудь со стороны. И в морозной тишине можно было различить только размеренный скрип шагов.

«Заодно и завтрак уляжется», – обнадежил он себя и, чтобы не терять время попусту, придумал себе занятие: стал медленно и глубоко вдыхать через нос воздух, и, делая небольшую задержку, выдыхать его через рот без остатка. Он рассчитал, что подобными дыхательными упражнениями, он сильно поспособствует процессу пищеварения. В его голове вертелась неясная мысль, вроде того, что «для усвоения еды кислород тоже нужен».

С заснеженных шиферных крыш домов свисали огромные, острые на концах сосульки. Порой тропинка подходила почти вплотную к стенам домов, жестяные подоконники окон первого этажа находились где-то на уровне пояса, а иногда опускались еще ниже – почти до уровня колен, и тогда приходилось идти под самым частоколом сосулек, едва ли, не цепляя их головой. Но страшные сосульки совершенно не пугали Сергея. Во-первых, картина была слишком привычная, – и он и все остальные постоянно ходили под сосульками, а в некоторых местах так и под нависшими глыбами льда; а, во-вторых, на улице был мороз, и он должен был прочно сковать нацеленные на голову ледяные кольца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.